

УДК 159.9:316.77]:61-058.17
ББК Ю953.2

МАРГИНАЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ КАК СУБЪЕКТ ЗАТРУДНЕННОГО ОБЩЕНИЯ

Н.Д. Узлов

*Березниковский филиал Пермского государственного национального
исследовательского университета, Березники, Россия*

Проблема маргинальности является одной из ключевых, но недостаточно разработанных вопросов в социальных науках. Понятие маргинальности, обозначающее промежуточность, «пограничность» (лат. *marginalis* – находящийся на краю) указывает на положение человека между какими-либо социально-культурными группами, что накладывает определённый отпечаток на его психику [36, 56]. Существует многообразие типов маргинальности (географический, экономический, культурный, этнический, политический, религиозный, идеологический, профессиональный, экзистенциальный и др.). Ряд классификационных подходов, описывающих изучаемое явление, позволяет объединить разные типы маргинальности, принимая во внимание их сущность и функции, в макрогруппы. С этих позиций выделяют структурную (социальную) маргинальность; культурную (этнокультурную) маргинальность; маргинальность социальных ролей. Центральное место среди них занимает социальная маргинальность, означающая пограничное, переходное, структурно-неопределённое социальное состояние субъекта [3, 17, 18, 60].

Начало исследований маргинальности было положено работами американских социологов Р.Э. Парка и Э.В. Стоунквиста в 20–30-е гг. XX в., которые рассматривали маргинальность прежде всего в контексте этнокультурной ассимиляции. В качестве причин, способствующих формированию маргинальной личности, авторы указывали на утрату людьми своей идентичности (социальной, религиозной, этнической и т.д.), возникающей в результате отчуждения человека от самого себя либо вследствие процесса деструктуризации социальной жизни общества (социальные потрясения, войны, экономические кризисы, переход к другой социально-экономической формации и др.). В этих условиях человек начина-

ет испытывать бессилие, апатию, проявляет социальную безответственность, пассивность или, наоборот, агрессивные чувства [40, 46]. Маргинализация – широко распространенное явление в переходные и кризисные периоды развития общества. Ей свойствен феномен «массовой патологии идентичности»: человек переживает отчужденность от всего, в том числе и от самого себя [23]. Социально-психологическими «болезнями» людей, живущих в переходном обществе, становятся неопределенность, неуверенность, пессимизм, агрессивность, невротичность, тревожные состояния и страх. Доминирующим становится чувство социально-психологической неудовлетворенности. Всему этому сопутствуют пессимистические настроения, неуверенность в завтрашнем дне, нереализованность ожиданий, подавленность, фрустрации, стрессы и конфликты, нигилистическое отношение к любым идеям и событиям, переориентация в сторону авантюрной, утилитарной, сиюминутной деятельности [3]. Л.М. Банникова рассматривает маргинальность как «социально-патологическую форму адаптации населения к изменяющимся условиям жизни». Автор, опираясь на концепцию потенциальной маргинализации, выделяет две группы маргиналов с негативной социально-экономической адаптацией. Первую группу представляет паразитарно-иждивенческая модель адаптации, которая характеризуется нестабильной занятостью, случайными заработками, особым способом жизнеобеспечения за счет других (пауперы), отсутствием собственности, очень низким уровнем доходов (социальные аутсайдеры: нищие, просящие подаяния; бомжи, бичи, лишившиеся жилья; беспризорники). Другому виду негативной адаптации (модель социального паразитизма) присущ способ существования, при котором социальный субъект удовлетворяет свои потребности за счет других. Это, главным образом, «криминальная группа» с ярко выраженной девиантной адаптацией, насильственным, незаконным присвоением материальных благ, ценностным вакуумом [5].

Маргинальность также принято рассматривать по критериям «пограничности» и «периферийности». В первом варианте маргинальность определяется как состояние социальных групп и индивидов в процессе структурных преобразований в обществе (изменение социальных статусов, когда группа или индивид оказывается на границе двух групп или структур). Во втором случае маргинальность понимается как характеристика социальных групп, находящихся на периферии – аутсайдеров, арьергарда, андеркласса,

пауперов, состоящих из личностей, пребывающих на «дне» жизни: бездомные, люмпены, уличные проститутки, алкоголики, наркоманы, больные, страдающие социально опасными болезнями (алкоголизм, наркомания, туберкулез, ВИЧ/СПИД, ЗППП и др.) с признаками социальной дезадаптации, безработные, преступные элементы и группы, не включенные в социальные структуры, например беженцы. Представители периферийной маргинальности отличаются нисходящей профессиональной мобильностью. Попав в трудную жизненную ситуацию, они, как правило, теряют способность совладать с ней, их копинг-стратегии направлены, главным образом, на выживание – в отличие от лиц с пограничной маргинальностью, которые не утратили просоциальной активности и готовы к переменам в жизни в плане получения новой специальности, создания собственного бизнеса и т.п. К этой категории можно отнести «новых маргиналов» – представителей гуманитарных профессий, ИТР, квалифицированных рабочих, бывших военных, попавших под сокращение и др. [1, 25, 36 и др.].

Р.Ф. Степаненко и Л.Д. Чулюкин дают определение маргинальной личности, основываясь на социально-правовом подходе: «это тип личности, формирующейся в условиях внутренних (психологических, физиологических, нравственных и др.) и внешних (социально-экономических, политических, демографических и иных) изменений образа жизни, связанных с потерей самоидентификации, социально-правового и имущественного статуса, или обладающей таковым в зависимости от его институционализации». Они же дают характеристику маргинального образа жизни (в криминологическом смысле), под которым понимают «совокупность типичных для социально неблагополучных (маргинальных) групп видов и способов жизнедеятельности, для которых характерны: отсутствие постоянного источника доходов, отчуждение от общественно полезной деятельности, делинквентное (как асоциальное) поведение, связанное с неприятием или отрицанием правовых норм (правовой нигилизм), и, в силу этих обстоятельств, склонность к совершению правонарушений, в т.ч. преступлений» [45, с. 101–102].

Очевидно, что в той или иной степени «пограничные маргиналы» становятся объектом внимания социальных служб (например, центров занятости населения), однако наибольший объем работы все же связан с оказанием помощи группам населения, относящимся к маргинальной «периферии». Именно ради них создаются раз-

личные государственные и муниципальные структуры – детские дома, интернаты, реабилитационные центры, приюты, исправительные колонии и т.д. Именно здесь сосредоточена огромная масса работников помогающих профессий – врачей, педагогов, психологов, социальных работников и других специалистов.

Э.В. Стоунквист был одним из первых, кто применил психологические характеристики, отражающие степень остроты культурного конфликта, переживающего маргинализирующейся личностью. К ним он относил: дезорганизованность, ошеломленность, неспособность определить источник конфликта; ощущения «непрístupной стены», неприспособленности, неудачливости; беспокойство, тревожность, внутреннее напряжение; изолированность, непричастность, стесненность; разочарование, отчаяние; разрушение «жизненной организации», психическая дезорганизация, бессмысленность существования, эгоцентричность, честолюбие, агрессивность [46]. В отечественной литературе накоплено большое количество данных, позволяющих описать психологический портрет маргинальной личности [13, 24, 25, 35, 39, 56, 60 и др.]. В ряду специфических свойств маргинального человека авторы указывают следующие качества: обостренные рефлексия и самосознание; критическое, скептическое, иногда циничское отношение к миру; релятивизм и безоценочность мировоззрения; отстраненность, психологическая отчужденность; замкнутость, одиночество, внутренняя противоречивость. Л.И. Кемалова в качестве типических черт выделяет одиночество, подавленность, чувство изолированности, отчужденности, неопределенности, растерянности [24]. Н.О. Навджавонов для диагностики индивидуально-психологических особенностей личности, обуславливающих длительность переживания состояния маргинальности, информативными считает следующие показатели: экстернальный локус контроля, низкий уровень самопринятия и самоуважения, выраженную конформность, чувство неполноценности, ощущение беспомощности и невозможности достичь поставленных целей, низкий уровень приверженности ценностям, непластичность, ригидность, высокий уровень сензитивности, неимпульсивность, неспособность к целостному восприятию мира, отсутствие способности устанавливать глубокие и тесные связи с окружающими, необщительность, средний уровень стремления к познанию, слабый творческий потенциал [38]. О.Н. Макаренко для анализа маргинальной личности привлекает концепции психологической защиты, указывает в качестве ведущих защитных психологических механизмов

отрицание, вытеснение и агрессию; а также пессимистический стиль объяснения событий, привлекая для этих целей теорию выученной беспомощности (helplessness) М. Селигмана (M. Seligman, 1975) [35].

Сказанное выше делает крайне актуальной проблему построения диалога специалистов помогающих профессий с маргинальной личностью, особенно с представителями социальной эксклюзии, периферийной маргинальности [53]. В этой сфере зачастую присутствуют непонимание сторон, скрытая или явная взаимная враждебность, патерналистский подход социальных служб и рентные, потребительские установки со стороны объектов оказания помощи. Диалог специалиста (врача, психолога, социального работника, педагога, юриста) с маргинальным субъектом нередко напоминает «разговор с муравьями». Маргинальный субъект оказывается нечувствительным к разного рода воздействиям, ориентированным на признание ценности себя самого и другого, доверия к людям и миру, на позитивные, развивающие, направленные на людей отношения, способствующие конструктивному диалогу и в конечном счете позитивным изменениям в жизни клиента. Этим людям более понятны директивные воздействия, знакомые им с раннего детства (окрики, приказания, нравоучения, нотации, наказания и др.), однако к ним они давно выработали иммунитет. Л.И. Кемалова и Ю.Д. Парунова указывают, что в межличностных отношениях маргинальных субъектов с представителями других стратификационных групп накоплен колоссальный дефицит доверия [25]. Н.М. Римашевская показала, что разные обитатели «социального дна» по отношению к органам исполнительной власти испытывают разную степень неприязни. Так, для пауперов самыми ненавистными представителями общества являются милиционеры (полицейские) и чиновники, которые равнодушны к их проблемам. По отношению к властям беспризорники озлоблены, нищие настроены наиболее критично и требовательно, проститутки лояльны и снисходительны [43]. Специфика коммуникации субъектов с антисоциальной направленностью также характеризуется похожими паттернами обращения: они, как правило, не слушают или притворяются, что не слышат другого; игнорируют высказывания и мнения партнера, его права и желания; нарушают пространственные границы; совершают поступки независимо от желания участников общения; навязывают чувство вины; не уважают принятые нормы общения [33].

Эксклюзию маргинальности дополняют «социально-медицинские маргиналы» – лица, страдающие зависимостями и социально опасными болезнями. Наши наблюдения над представите-

лями таких медицинских маргинальных групп, как больные алкоголизмом, туберкулезом легких, ВИЧ-инфекцией, бытовой ожоговой травмой, показывают, что подобные пациенты, как правило, в своем отношении к болезни демонстрируют анозогнозические и эгоцентрические тенденции, экстернальный локус контроля, рентные установки к лечению, нарушают режимные требования, ищут виноватых в своих несчастьях среди других и т.п. [16, 47–52].

Описанные выше характеристики социального маргинала удивительным образом совпадают с описаниями субъектов затрудненного общения.

Концепция затрудненного общения (англ. *miscommunication, deficiency communication*) в последние десятилетия стала активно разрабатываться в трудах отечественных ученых, прежде всего благодаря работам А.А. Бодалева [7–9], Е.В. Цукановой [57], В.Н. Куницыной [28–30], Ю.А. Менджерицкой [37], Е.Д. Бревус [12], В.А. Лабунской [31–33] и др. Затрудненное общение рассматривается как глобальный, интегральный феномен, явление, которое представлено в сознании и переживаниях партнеров [30]. Затруднения в общении могут захватывать каждый из структурных компонентов общения (перцептивный, эмоциональный, коммуникативный, интерактивный) [22], при этом каждая грань общения может дать основание для критериев классификации причин его возникновения [61]. По мнению В.А. Лабунской с соавт. [33], затрудненное общение необходимо рассматривать в нескольких плоскостях: а) в качестве социально-психологического феномена, проявляющегося только в ситуации взаимодействия, социального общения; б) как явление объективное, представленное в несоответствии цели и результата, выбранной модели общения и реально протекающего процесса; в) как явление субъективное, заявляющее о себе в различного рода переживаниях человека, в основе которых могут быть неудовлетворенные потребности, мотивационный, когнитивный, эмоциональный диссонансы, внутриличностные конфликты и т.д.

В.Н. Куницына выделила три вида затруднений в общении (трудности, барьеры и нарушения), основываясь на параметрах субъективности – объективности трудностей общения. Трудности возникают в ситуациях, когда человек имеет возможность общаться, но не умеет этого делать, например, по причинам невоспитанности, беззастенчивости и эгоцентризма, что приводит к его отторжению, либо наоборот, умеет общаться и имеет такую воз-

возможность, но не стремится к контактам вследствие интровертированности, мизантропичности, высокомерия, самодостаточности и т.п. Барьеры формируются вследствие предубежденности, предрассудков и стереотипов, наличия ригидных установок при восприятии партнера по общению. Субъект затрудненного общения, приносящий нарушения в процесс общения, демонстрирует такие личностные качества, как подозрительность, завистливость, эгоцентризм, тщеславность, себялюбие, ревность, высокий уровень фрустрации межличностных потребностей. Субъекты с нарушениями общения чаще всего склонны к межличностному взаимодействию, основанному на унижении и подавлении другого, ущемлении его интересов, доминировании, властвовании, запугивании (так называемый «агрессивно-обесценивающий стиль общения») [28, 29]. Описанные выше варианты коммуникативных трудностей, барьеров и нарушений в значительной степени характерны для маргинальных личностей.

В.А. Лабунская с соавт., описывая субъекта затрудненного общения, указывают, что ему присущи деформации в поведенческом, эмоциональном, когнитивном компонентах общения и ценностно-смысловой сфере, такие, как неспособность адаптировать свое поведение к требованиям ситуации общения; стереотипизация восприятия окружающих; несбалансированность аффективно-когнитивной сферы; низкий уровень эмпатии; недостаточные самоконтроль и саморегуляция [33].

В развернутом виде социально-психологические и психологические критерии описания субъекта затрудненного общения могут быть систематизированы по ряду категорий.

Направленность, установки, ценностные ориентации субъекта затрудненного общения характеризуются обесцениванием себя, недоверием к себе, к людям, к миру; поверхностными, недифференцированными, непрочными, мало осознаваемыми, противоречивыми, разобщенными, направленными против людей отношениями; монологической, объектной, авторитарной, эгоцентрической, манипулятивной направленностью.

В потребностно-мотивационной сфере преобладает внешняя мотивация одобрения, достижения, эмоционального обладания, наблюдается фрустрированность собственной потребностной сферы, отсутствие содействия в удовлетворении социальных потребностей другого.

Эмоционально-волевые характеристики субъектов затрудненного общения представлены эмоциональной нестабильностью, частой сменой настроений, холодностью, вспыльчивостью, раздражительностью, эгоцентрической направленностью эмоционального резонанса, свернутостью сочувствия, невыразительностью, отчужденностью, апатией, преобладанием негативно окрашенных эмоций, несбалансированностью саморегуляции, низким самоконтролем.

Данный психотип характеризуется недостаточной развитостью социальных способностей, прежде всего способностей к пониманию другого человека, эмпатии, идентификации, психологической проницательности, сензитивности и чувствительности, наблюдательности, использованию и пониманию глубоких семантических значений языковых структур, оценке эмоциональной значимости и прогнозированию событий.

Социально-психологические качества личности включают в себя следующие качества: робость, замкнутость, неуверенность, необщительность, слабость «Я», безынициативность, беззастенчивость, невоспитанность, эгоцентричность, предубежденность, стереотипность, ригидность, манипулятивность, подозрительность, завистливость, тщеславие, себялюбие, ревность, гипертребовательность, нетерпимость.

Наиболее типическими стратегиями коммуникативного взаимодействия являются: отсутствие умения аргументировать свои замечания, поддерживать контакт и выходить из него; выбирать адекватную форму сообщений, давать обратную связь; стремление больше говорить, чем слушать, перебивать разговор, делать длительные паузы в речи; застывшая поза, несоответствие экспрессивного репертуара речевому поведению; нарушение социальной и персональной дистанции; симуляция, угрозы, шантаж, запугивание, ложь, покорение, сокрытие; защитно-избегающая, агрессивно-обесценивающая, определяюще-контролирующая, формально-вежливая дистантная стратегии.

С точки зрения статуса и роли в группе такой субъект часто становится отвергаемым, находится на периферии группы, его ролевые ожидания оказываются нереалистичными.

Субъекта затрудненного общения отличают дефицит, незрелость нравственных эталонов, игнорирование, нарушение моральных и нравственно-этических норм.

Его преобразовательная активность направлена против себя, характеризуется деструктивной направленностью (обезличивание, дезадаптация, деградация, разрушение, уничтожение). Субъективные последствия такого взаимодействия приводят к фрустрации социальных потребностей, разрыву эмоционально значимых связей, созданию внутриличностного когнитивно-эмоционального напряжения, искажению понимания себя и другого, отказу от рефлексии по поводу представленности своего образа в глазах других, смещению отношений, установок, ценностных ориентаций в направлении обесценивания себя и другого, демонстрации неадекватных эмоциональных реакций, низкого уровня эмпатии. Последствиями преобразовательной активности субъекта затрудненного общения выступают трения, сбои, конфликты, сопровождающиеся недостижением цели, неполучением желаемого результата [42].

Все эти характеристики оппонируют качествам субъекта незатрудненного общения, которым выступает индивид с высоко развитыми социальными способностями и позитивным спектром личностных свойств, а соответствующая им преобразовательная активность направлена на удовлетворение социальных потребностей, установление эмоционально значимых связей, уменьшение внутриличностного когнитивно-эмоционального напряжения и на достижение взаимопонимания. Для него характерны рефлексия по поводу собственной представленности своего образа в глазах других, смещение отношений, установок, ценностных ориентаций в направлении личностного, ценностного, субъектного отношения к себе и к другому; демонстрация эмоциональной сензитивности, высокого уровня эмпатии. Результатами преобразовательной активности субъекта незатрудненного общения выступают такие формы взаимодействия, как согласие, кооперация, сотрудничество, сопровождающиеся достижением целей и получением желаемого результата обоими партнерами [31].

Очевидно, что в процессе взаимодействия специалистов помогающих профессий с клиентом социальных служб важно определить тип его маргинальности, установить, является ли он субъектом затрудненного общения, и, исходя из этого, выстроить стратегию коммуникации таким образом, чтобы она достигала поставленных целей.

Общие принципы и методы построения межличностного диалога изложены в многочисленных руководствах по психологии общения и социального влияния [4, 14, 22, 34 и др.], при этом приоритет уделяется неимперативным прямым формам воздействия, та-

ким, как просьба, предложение, похвала, поддержка, утешение, убеждение и внушение. Промежуточную, но достаточно большую группу занимают манипулятивные способы воздействия, базирующиеся на знании законов социального влияния [4, 34 и др.]. Императивные прямые формы воздействия (приказ, требования, запрет), а также принуждение могут быть рекомендованы как крайняя мера при приведении субъекта к конвенциональным нормам [22].

Ю.И. Кузина в качестве эффективных инструментов преодоления затрудненного общения предлагает использовать приемы суггестивной лингвистики [2, 58, 59], в частности широко используемые в НЛП паттерны «мета-модели» и «милтон-модели» [6]. При работе с 93 супружескими парами, конфликтующими и испытывающими трудности во взаимопонимании, ею была экспериментально доказана результативность применения различных паттернов вербальной коммуникации, особенно пресуппозиций [27]. В ряде других работ приводятся данные об эффективности таких психокоррекционных методов с разными субъектами затрудненного общения, как социально-психологический тренинг, игра, гештальт-терапия, музыкотерапия и др. [10–12, 19, 26, 27, 44, 54 и др.], однако их прямое использование в работе с маргинальными социальными субъектами требует дополнительных организационных усилий, включения на первых порах таких средств воздействия, как убеждение и даже принуждение (так, в ряде зарубежных стран гражданина могут обязать пройти курс психотерапии по решению суда).

В свете вышеизложенного крайне актуальными становятся требования, выдвигаемые к работникам социальных служб, взаимодействующим с маргинальным субъектом.

Первое из них – коммуникативная компетентность, понимаемая как владение сложными коммуникативными навыками и умениями, знание культурных, гендерных и национальных норм, обычаев, традиций, этикета в сфере общения и т.д., складывающаяся из способностей давать социально-психологический прогноз коммуникативной ситуации, программировать процесс общения и управлять им [30, 41].

Второе важное требование – достижение профессиональной идентичности и преодоление профессиональной маргинальности, которая определяется как «личностная позиция непричастности и ментальная непринадлежность к общественно приемлемой для данной профессии профессиональной морали» [20]. В условиях сегодняшней реальности профессиональная маргинальность свойственна представителям большинства социально значимых про-

фессий – педагогам, медицинским работникам, социальным работникам, операторам, программистам, управленцам и др. [15, 55 и др.].

Е.П. Ермолаева выделяет следующие виды профессиональной маргинальности: профессионально-ригидные маргиналы (неспособные к профессиональной динамике в условиях, требующих перемен) и профессионально-нестабильные (не готовые к длительному пребыванию в профессии, а, напротив, склонные к ее немотивированной смене); функциональные (имитаторы деятельности и ее саботажники) и ментальные маргиналы. Последние разделяются по категориям ментально-внутренней маргинальности, для которых профессия служит средством реализации своих личных амбиций или достижения корыстных интересов («они любят не дело, а себя в этом деле»); и ментально-внешней, представители которой не принимают профессиональной морали, не интериоризированы в профессию, не сделали ее личностно значимой ценностью для себя («они любят не дело, а нечто вообще вне его; готовы бросить дело, если подвернется более удобное, легкое или выгодное») [20, 21]. Представляется, что на современном этапе развития социальных практик, когда престиж помогающих профессий (в сравнении с экономистами, менеджерами и юристами, которых и так переизбыток) падает, профессионально-нестабильных и ментально-внешних маргиналов-временщиков становится все больше.

С этих позиций несложно вообразить встречу двух личностей – профессионально маргинального работника и маргинального клиента. Очевидно, что энкаунтер как способ установления честных и открытых отношений, основанный на ответственности, внимании к чувствам партнера, осознании своего «Я», здесь невозможен. В лучшем случае их диалог может сводиться к бездушной канцелярщине или примитивной манипуляции, когда каждая сторона остается при своем мнении.

Сказанное выше позволяет сделать ряд выводов:

1. Маргинальную личность, особенно периферийного типа, в полной мере можно рассматривать субъектом затрудненного общения: их социально-психологические характеристики совпадают по большинству признаков. При коммуникации с маргинальной личностью у представителей социальных служб возникают многочисленные трудности, барьеры и нарушения, аналогичные тем, которые имеют место при взаимодействии с субъектом затрудненного общения.

2. Для взаимодействия с маргинальными потребителями социальных услуг должны быть выработаны новые «языки общения»,

позволяющие в полной мере реализовать декларируемые принципы социальной помощи и дающие возможность «достучаться» до личности, быть понятым, включенным в процесс демаргинализации. Методологической основой в разработке таких подходов может являться концепция затрудненного общения.

3. Для выполнения поставленных задач представители социальных служб должны обладать навыками хорошего коммуникатора, приобрести коммуникативные компетенции и преодолеть собственную профессиональную маргинальность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверина М.В. Проявления феномена маргинальности в различных пространствах социума // Полигнозис. 2008. Т. 1. С. 46–53.
2. Авдеенко И.А. Структура и суггестивные свойства вербальных составляющих рекламного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2001. 23 с.
3. Акопян Н. Маргинальность как одна из основных характеристик трансформирующегося общества // 21 век. 2005. № 1. С. 150–165.
4. Аронсон Э., Уилсон Т., Эйкерт Р. Социальная психология. Психологические законы поведения человека в социуме. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. 160 с.
5. Банникова Л.М. Маргинальность как социально-патологическая форма адаптации населения к меняющимся условиям жизни (К постановке проблемы) [Электронный ресурс] // Ползуновский альманах. 2000. № 2. URL: <http://new.elib.altstu.ru>.
6. Бендлер Р., Гриндер Дж. Структура магии. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2008. Т. 1, 2. 375 с.
7. Бодалев А.А. Личность и общение: Избранные труды. М.: Педагогика, 1983. 271 с.
8. Бодалев А.А. История разработки проблемы познания людьми друг друга в СССР – России // Человек, сообщество, управление. 2004. № 1. С. 57–68.
9. Бодалев А.А., Ковалев Г.А. Психологические трудности общения и их преодоление // Педагогика. 1992. № 5-6. С. 65–70.
10. Бочанцева Л.И. Психологические средства нормализации затрудненного общения антисоциальной личности: автореф. дис. ...канд. психол. наук. Новосибирск, 2007. 22 с.
11. Бочанцева Л.И. Психологические возможности использования гештальт-групповой работы в нормализации затрудненного общения асоциальной личности // Педагогическое образование и наука. 2012. № 2. С. 102–105.
12. Бреус Е.Д. Динамика трудностей общения в процессе социально-психологического тренинга // Психологический вестник. Ростов н/Д.: Изд-во РГУ, 1997. Вып. 2. С. 230–238.
13. Вайтулевич С.Н. Маргинальное сознание и поведение как аспект социально-психологической организации маргинальной личности // Успехи современного естествознания. 2007. № 2. С. 60–61.
14. Вердербер Р., Вердербер К. Психология общения. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. 320 с.
15. Волкова О.А. Профессиональная маргинальность в контексте проблем современного российского общества // Социальные проблемы. 2008. № 1. С. 52–62.

16. Габдрахманова Н.Н., Узлов Н.Д. Психологический портрет пациентов с анозогнозическим типом отношения к болезни при туберкулезе легких // Академический журнал Западной Сибири. 2013. № 1. С. 35–35.
17. Галсанамжилова О.Н. К вопросу о структурной маргинальности в российском обществе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Т. IX, № 4. С. 160–169.
18. Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д., Казаринова И.В. Маргинальный слой: феномен социальной самоидентификации // СОЦИС. 1996. № 8. С. 12–17.
19. Джиоева О.Ф. Социально-педагогические технологии оптимального решения затрудненного общения в общеобразовательной школе и вузе: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Владикавказ, 2007. 23 с.
20. Ермолаева Е.П. Профессиональная идентичность и маргинализм: концепция и реальность // Психологический журнал. 2001. № 4. С. 51–59.
21. Ермолаева Е.П. Психология профессионального маргинала в социально значимых видах труда // Психологический журнал. 2001. № 5. С. 69–71.
22. Ильин Е.П. Психология общения и межличностных отношений. СПб.: Питер, 2009. 576 с.
23. Кемалова Л.И. Маргинальная личность в поисках гражданского согласия // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Сер. Философия. Социология. 2008. Т. 21(60), № 1. С. 342–347.
24. Кемалова Л.И. Маргинальная личность: социально-психологический портрет // Вестник СевГТУ. 2008. Вып. 86. С. 94–97.
25. Кемалова Л.И., Парунова Ю.Д. Личность маргинала и возможности ее социализации в условиях транзитивного общества. Симферополь; Керчь: Таврия, 2010. 228 с.
26. Кошелева Е.А. Психолого-педагогические методы и технологии преодоления затрудненного общения [Электронный ресурс]// Современные проблемы науки и образования. 2012. № 5. URL: www.science-education.ru/105-7059.
27. Кузина Ю.И. Влияние паттернов вербальной коммуникации на нормализацию затрудненного общения личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Красноярск, 2006. 22 с.
28. Куницына В.Н. Нарушения, барьеры, трудности межличностного неформального общения // Актуальные проблемы психологической теории и практики / под ред. А. А. Крылова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. С. 82–92.
29. Куницына В.Н. Трудности межличностного общения: автореферат дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 1991. 31 с.
30. Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М. Межличностное общение: учеб. для вузов. СПб.: Питер, 2002. 544 с.
31. Лабунская В.А. Психология затрудненного общения. М.: Академия, 2001. 288 с.
32. Лабунская В.А. Психологический портрет субъекта затрудненного общения // Психологический журнал. 2003. Т. 24, № 5. С. 14–22.
33. Лабунская В.А., Менеджерцкая Ю.А., Бреус Е.Д. Психология затрудненного общения: Теория. Методы. Диагностика. Коррекция: учеб. пособие. М.: Академия, 2001. 288 с.
34. Майерс Д. Социальная психология. СПб.: Питер, 2010. 794 с.
35. Макаренко О.В. К вопросу о психологии маргинальной личности // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7. Философия. 2009. № 1(9). С. 173–175.

36. Маргинальность в современной России / Е.С. Балабанова, М.Г. Бурлуцкая, А.Н. Демин и др.; Сер. Научные доклады. М.: МОНФ, 2000. Вып. 121. 208 с.
37. Менджериджая Ю.А. Особенности эмпатии субъектов затрудненного общения // Практическая психология. 1999. № 4. С. 54–64.
38. Навджавонов Н.О. Проблема маргинальной личности: постановка задачи и определение подходов // Социальная философия в конце XX века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. С. 149–158.
39. Николаев В.Г. Человек маргинальный // Вопросы социальной теории. 2010. Т. 4. С. 354–372.
40. Парк Р.Э. Культурный конфликт и маргинальный человек // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. 1997. № 2. С. 172–175.
41. Петровская Л.А. Компетентность в общении. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. 126 с.
42. Психология личности: учеб. пособие / под ред. П.Н. Ермакова, В.А. Лабунской. М.: Эксмо, 2007. С. 324–328.
43. Римашевская Н.М. Бедность и маргинализация населения// СОЦИС. 2004. № 4. С. 33–44.
44. Самохвалова А.Г. Структурно-динамическая концепция затрудненного общения в онтогенезе ребенка: автореф. дис. ... докт. психол. наук Кострома, 2015. 51 с.
45. Степаненко Р.Ф., Чулюкин Л.Д. Общая теория маргинальности: проблемы правового подхода // Вестник экономики, права и социологии. 2010. № 2. С. 96–103.
46. Стоунквист Э.В. Маргинальный человек: исследование личности и культурного конфликта: автореферат диссертации с примечаниями 1961 г. // Личность. Культура. Общество. 2006. № 1(29). С. 9–36.
47. Узлов Н.Д. Личностные характеристики больных с бытовой ожоговой травмой и их отношение к болезни // Клиническая психология: Итоги. Проблемы. Перспективы: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (27-28 апреля 2010 г.; АОУ ВПО «Ленинградский государственный ун-т им. А.С. Пушкина»). СПб.: АЙСИНГ, 2010. С. 182–188.
48. Узлов Н.Д. Напряженность психологических защит, отношение к болезни и лечению больных алкоголизмом при первичной и вторичной госпитализации// Актуальные вопросы теории и практики психологии отношений: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 24-27 мая 2010 г.) / Урал. гос. пед. ун-т; науч. ред. С.А. Минюрова, С.В. Духновский. Екатеринбург, 2010. С. 229–231.
49. Узлов Н.Д. Личностные профили женщин-заключенных, ВИЧ-инфицированных и больных СПИДом // Медицинская психология в России. 2011. № 2. URL: <http://medpsy.ru>.
50. Узлов Н.Д. Психологический портрет пациентов с бытовой ожоговой травмой // Тюменский медицинский журнал. 2011. № 2. С. 45–46.
51. Узлов Н.Д., Башкирцева О.В. Самоотношение ВИЧ-инфицированных и заболевших туберкулезом осужденных [Электронный ресурс] // Клиническая и медицинская психология: исследования, обучение, практика. 2014. № 2(4). URL: <http://medpsy.ru/climp>.
52. Узлов Н.Д., Габдрахманова Н.Н. Совладающее поведение и защитные механизмы личности у больных туберкулезом легких с анозогнозическим типом отношения к болезни [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России. 2013. № 3(20). URL: <http://medpsy.ru>.
53. Узлов Н.Д. Маргинальная личность как объект и субъект социальной работы: проблема коммуникации // Социальная безопасность и защита человека в условиях новой общественной реальности. Современная система соци-

- ального обслуживания населения в России и Пермском крае: проблемы и перспективы развития: сб. материалов VI междунар. науч.-практ. конф. (г. Пермь, 3 декабря 2014 г.) / под общ. ред. З.П. Замараевой, М.И. Григорьевой; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2014. С. 156–166.
54. Удунова Г.Е. Психологічна корекція ускладненого спілкування в учнів шкіл-інтернатів (Психологіческая коррекция затрудненного общения учеников школ-интернатов): автореф. дис. ... канд. психол. наук. Киев, 2006. 24 с.
55. Федоров В.В. Социально-профессиональная маргинальность в современной России // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Филология. 2009. № 11. С. 43–47.
56. Феофанов К.А. Социальная маргинальность: характеристика основных концепций и подходов в современной социологии (Обзор) // Общественные науки за рубежом. РЖ. Сер. 11. Социология. 1992. № 2. С. 70–83.
57. Цуканова Е.В. Психологические трудности межличностного общения. Киев: Выща школа, 1985. 162 с.
58. Черепанова И.Ю. Вербальная суггестия: теория, методика, социально-лингвистический эксперимент: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1996. 50 с.
59. Черепанова И.Ю. Дом колдуньи. Язык творческого бессознательного. М.: КСП+, 1999. 446 с.
60. Шалагинова Н.А. Социальная маргинальность: характерологические свойства и типологические признаки: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д., 2012. 25 с.
61. Шкуратова И.П. Когнитивный стиль и общение. Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. пед. ун-та, 1994. 156 с.

REFERENCES

1. Averina M.V. *Proyavleniya fenomena marginal'nosti v razlichnykh prostranstvakh sotsiuma* [Manifestations of marginality phenomenon in various social spaces]. *Polignozis* [Polygnosys], 2008, no. 1, pp. 46–53.
2. Avdeenko I.A. *Struktura i suggestivnye svoystva verbal'nykh sostavlyayushchikh reklamnogo teksta. Avto-ref. dis. ... kand. filol. nauk* [Commercial text: structure and suggestive properties of verbal components. Abstract of PhD thesis]. Barnaul, 2001. 23 p.
3. Akopyan N. *Marginal'nost' kak odna iz osnovnykh kharakteristik transformiruyushchegosya obshchestva* [Marginality as one of the base characteristics of transforming society]. *21 vek* [XXIst century], 2005, no 1, pp. 150–165.
4. Aronson E., Wilson T.D., Akert R.M. *Social psychology*. 3rd ed. New York, 1999 (Russ. ed.: Aronson E., Wilson T., Eikert R. *Sotsial'naya psikhologiya. Psikhologicheskie zakony povedeniya cheloveka v sotsiume*. St. Petersburg, Praim-EVROZNAK Publ., 2004. 160 p.).
5. Bannikova L.M. *Marginal'nost' kak sotsial'no-patologicheskaya forma adaptatsii naseleniya k menyayushchimsya usloviyam zhizni (K postanovke problemy)* [Marginality as a social and pathological form of population adaptation to the changing living conditions: problem statement]. *Polzunovskii al'manakh* [Polzunovsky almanac]. 2000, no. 2. Available at: http://new.elib.altstu.ru/journals/Files/pa2000_2/pages/19/pap_19.html (Accessed 20 March 2015).
6. Grinder J., Bandler R. *The Structure of Magic*. Vol. I&II. Science and Behavior Books, Palo Alto, 1975. (Russ. ed.: Bendler R., Grinder Dzh. *Struktura magii*. T. 1, 2. St. Petersburg, Praim-EVROZNAK Publ., 2008, 375 p.).

7. Bodalev A.A. *Lichnost' i obshchenie: Izbrannye trudy* [Person and communication. Selected works]. Moscow, Pedagogika Publ., 1983, 271 p.
8. Bodalev A.A. *Istoriya razrabotki problemy poznaniya lyud'mi drug druga v SSSR-Rossii* [Peoples' each other cognition: history of problem development and research in Soviet Union and Russia]. *Chelovek, soobshchestvo, upravlenie* [Human, society, management], 2004, no. 1, pp. 57–68.
9. Bodalev A.A., Kovalev G.A. *Psikhologicheskie trudnosti obshcheniya i ikh preodolenie* [Psychological difficulties of communication and their overcoming]. *Pedagogika* [Pedagogics], 1992, no. 5–6, pp. 65–70.
10. Bochantseva L.I. *Psikhologicheskie sredstva normalizatsii zatrudnennogo obshcheniya antisotsial'noi lichnosti: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Psychological means of miscommunication normalization of the antisocial personality: Abstract of PhD thesis]. Novosibirsk, 2007, 22 p.
11. Bochantseva L.I. *Psikhologicheskie vozmozhnosti ispol'zovaniya geshtal't-gruppo-voi raboty v normalizatsii zatrudnennogo obshcheniya asotsial'noi lichnosti* [Psychological opportunities of gestalt-group work in miscommunication normalization of the asocial personality]. *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka* [Pedagogical education and science], 2012, no. 2, pp. 102–105.
12. Breus E.D. *Dinamika trudnostei obshcheniya v protsesse sotsial'no-psikhologicheskogo treninga* [Dynamics of communication difficulties in socio-psychological training]. *Psikhologicheskii vestnik* [Psychological Bulletin], 1997, no. 2, pp. 230–238.
13. Vaitulevich S.N. *Marginal'noe soznanie i povedenie kak aspekt sotsial'no-psikhologicheskoi organizatsii marginal'noi lichnosti* [Marginal consciousness and behavior as aspect of socio-psychological organization of the marginal personality]. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya* [Advances of modern natural science], 2007, no. 2, pp. 60–61.
14. Verderber R.F., Verderber K.S. *Inter-act: Using interpersonal communication skills*. Wadsworth Publishing Company, 1998 (Russ. ed.: Verderber R., Verderber K. *Psikhologiya obshcheniya*. St. Petersburg, Praim-EVROZNAK Publ., 2003, 320 p.).
15. Volkova O.A. *Professional'naya marginal'nost' v kontekste problem sovremennogo rossiiskogo obshchestva* [Professional marginality in the context of modern Russian society problems]. *Sotsial'nye problemy* [Social Problems], 2008, no. 1, pp. 52–62.
16. Gabdrakhmanova N.N., Uzlov N.D. *Psikhologicheskii portret patsientov s anozognozicheskim tipom otnosheniya k bolezni pri tuberkuleze legkikh* [Psychological portrait of pulmonary tuberculosis patients with anosognosic type of illness perception]. *Akademicheskii zhurnal Zapadnoi Sibiri* [Academic Journal of Western Siberia], 2013, no. 1, pp. 35–35.
17. Galsanamzhilova O.N. *K voprosu o strukturnoi marginal'nosti v rossiiskom obshchestve* [To the question of structural marginality in the Russian society]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2006, vol. IX, no. 4, pp. 160–169.
18. Golenkova Z.T., Igitkhanyan E.D., Kazarinova I.V. *Marginal'nyi sloi: fenomen sotsial'noi samoidentifikatsii* [Marginal layer: phenomenon of social self-identification]. *SOTsIS* [Sociology Study], 1996, no. 8, pp. 12–17.
19. Dzhioeva O.F. *Sotsial'no-pedagogicheskie tekhnologii optimal'nogo resheniya zatrudnennogo obshcheniya v obshcheobrazovatel'noi shkole i vuze: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Social and pedagogical technologies of optimum solution of deficiency communication in comprehensive secondary school and higher education institution: Abstract of PhD thesis]. Vladikavkaz, 2007, 23 p.

20. Ermolaeva E.P. *Professional'naya identichnost' i marginalizm: kontseptsiya i real'nost'* [Professional identity and marginality: concept and reality]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychology Journal], 2001, no. 4, pp. 51–59.
21. Ermolaeva E.P. *Psikhologiya professional'nogo marginala v sotsial'no znachimykh vidakh truda* [Psychology of the professional marginal in socially significant kinds of labour]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychology Journal], 2001, no. 5, pp. 69–71.
22. Il'in E.P. *Psikhologiya obshcheniya i mezhlichnostnykh otnoshenii* [Psychology of communication and interpersonal relations]. St. Petersburg, Piter Press Publ., 2009, 576 p.
23. Kemalova L.I. *Marginal'naya lichnost' v poiskakh grazhdanskogo soglasiya* [The marginal personality in search of a civil consent]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya «Filosofiya. Sotsiologiya»* [Scientific notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Philosophy and Sociology Series], 2008, vol. 21 (60), no. 1, pp. 342–347.
24. Kemalova L.I. *Marginal'naya lichnost': sotsial'no-psikhologicheskii portret* [Sociopsychological portrait of marginal personality]. *Vestnik SevGTU* [Sevastopol National Technical University Bulletin], 2008, no. 86, pp. 94–97.
25. Kemalova L.I., Parunova Yu.D. *Lichnost' marginala i vozmozhnosti ee sotsializatsii v usloviyakh tranzitivnogo obshchestva: monography* [Marginal personality and possibility of its socialization in the transitive society: monograph]. Simferopol-Kerch, Tavriya, 2010, 228 p.
26. Kosheleva E.A. *Psikhologo-pedagogicheskie metody i tekhnologii preodoleniya zatrudnennogo obshcheniya* [Psychological and pedagogical methods and technologies of deficiency communication overcoming]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Actual Problems of Science and Education], 2012, no. 5. Available at: <http://www.science-education.ru/105-7059> (Accessed 19 March 2015).
27. Kuzina Yu.I. *Vliyaniye patternov verbal'noi kommunikatsii na normalizatsiyu zatrudnennogo obshcheniya lichnosti: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Influence of verbal communication patterns on personality normalization of the deficiency communication: Abstract of PhD thesis]. Krasnoyarsk, 2006, 22 p.
28. Kunitsyna V.N. *Naruseniya, bar'ery, trudnosti mezhlichnostnogo neformal'nogo obshcheniya* [Violations, barriers and difficulties of interpersonal non-formal communication]. Krylov A.A., ed. *Aktual'nye problemy psikhologicheskoi teorii i praktiki* [Actual Theoretical and Practical Problems of Psychology]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 1995, pp. 82–92.
29. Kunitsyna V.N. *Trudnosti mezhlichnostnogo obshcheniya: avtoreferat dis. ... d-ra psikhol. nauk* [Difficulties in interpersonal communication: Abstract of Doct. Diss.]. St. Petersburg, 1991. 31 p.
30. Kunitsyna V.N., Kazarinova N.V., Pogol'sha V.M. *Mezhlichnostnoe obshchenie: uchebnik dlya vuzov* [Interpersonal communication: textbook for high schools]. St. Petersburg, Piter Press Publ., 2002, 544 p.
31. Labunskaya V.A. *Psikhologiya zatrudnennogo obshcheniya* [Psychology of the miscommunication]. Moscow, Akademiya Publ., 2001, 288 p.
32. Labunskaya V.A. *Psikhologicheskii portret sub'yekta zatrudnennogo obshcheniya* [The subject of miscommunication: psychological portrait]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychology Journal], 2003, vol. 24, no. 5, pp. 14–22.
33. Labunskaya V.A., Menedzheritskaya Yu.A., Breus E.D. *Psikhologiya zatrudnennogo obshcheniya: Teoriya. Metody. Diagnostika. Korrektsiya: Uchebnoe posobie* [Psy-

- chology of the miscommunication: theory, methods, diagnostics, correction: Manual]. Moscow, Akademiya Publ., 2001, 288 p.
34. Myers D.G. Social psychology. New York, McGraw-Hill, 1987 (Russ. ed.: Maiers D. Sotsial'naya psikhologiya. St. Petersburg, Piter Press Publ., 2010, 794 p.).
35. Makarenko O.V. *K voprosu o psikhologii marginal'noi lichnosti* [To a question of psychology of the marginal personality]. *Vestnik Volgogradskogo gosuniversiteta. Seriya 7. «Filosofiya»* [Volgograd State University Bulletin. Series 7: Philosophy], 2009, no. 1(9), pp. 173–175.
36. Balabanova E.S., Burlutskaya M.G., Demin A.N. et al. *Marginal'nost' v sovremennoi Rossii. Seriya «Nauchnye doklady»* [Marginality in modern Russia. Scientific Reports Series]. Moscow, Moscow, 2000, iss. 121, 208 p.
37. Mendzheritskaya Yu.A. *Osobennosti empatii sub'yektov zatrudnennogo obshcheniya* [Features of empathy of subjects with deficiency communication]. *Prakticheskaya psikhologiya* [Practical Psychology], 1999, no. 4, pp. 54–64.
38. Navdzhavonov N.O. *Problema marginal'noi lichnosti: postanovka zadachi i opredelenie podkhodov* [Problem of the marginal personality: problem formulation and approaches determination]. *Sotsial'naya filosofiya v kontse XX veka* [Social philosophy at the end of XXth century]. Moscow, Moscow State University Publ., 1991, pp. 149–158.
39. Nikolaev V.G. *Chelovek marginal'nyi* [The human marginality]. *Voprosy sotsial'noi teorii* [Social theory issues], 2010, vol. 4, pp. 354–372.
40. Park R.E. *Kul'turnyi konflikt i marginal'nyi chelovek* [Cultural conflict and marginal person]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Seriya 11. Sotsiologiya*. [Social sciences and humanities. Series 11: Sociology], 1997, no. 2, pp. 172–175.
41. Petrovskaya L. A. *Kompetentnost' v obshchenii* [Competence in communication]. Moscow, Moscow State University Publ., 1989, 126 p.
42. Ermakov P.N., Labunskaya V.A., ed. *Psikhologiya lichnosti. Uchebnoe posobie* [Psychology of the personality: manual]. Moscow, Eksmo Publ., 2007, pp. 324–328.
43. Rimashevskaya N.M. *Bednost' i marginalizatsiya naseleniya* [Poverty and marginalization of population]. *SOTsIS* [Sociology Study], 2004, no. 4, pp. 33–44.
44. Samokhvalova A.G. *Strukturno-dinamicheskaya kontseptsiya zatrudnennogo obshcheniya v ontogeneze rebenka: avtoreferat dis. ... dokt. psikhol. nauk* [The structural and dynamic concept of the miscommunication in ontogenesis of the child: Abstract of Doct. Diss.]. Kostroma, 2015, 51 p.
45. Stepanenko R.F., Chulyukin L.D. *Obshchaya teoriya marginal'nosti: problemy pravovogo podkhoda* [General theory of a marginality: problems of legal approach]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii* [Economics, law and sociology bulletin], 2010, no. 2, pp. 96–103.
46. Stonequist E.V. *The Marginal Man: a study in personality and culture conflict*. New York, Russell & Russell, 1961 (Russ. ed.: Stounkvist E.V. *Marginal'nyi chelovek: issledovanie lichnosti i kul'turnogo konflikta: avtoreferat dissertatsii s primechaniyami 1961 goda. Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo* [Personality, culture, society], 2006, no. 1(29), pp. 9–36).
47. Uzlov N.D. *Lichnostnye kharakteristiki bol'nykh s bytovoivoi ozhogovoivoi travmoi i ikh otnoshenie k bolezni* [Personal traits of patients with domestic burn injury and their attitude towards illness]. *Klinicheskaya psikhologiya: Itogi. Problemy. Perspektivy: sbornik materialov Vseros. nauch.-prakt. konf.i s mezhdunarodnym uchastiem* [Proc. of Rus. Conf. «Clinical psychology: results, problems, prospects»]. St. Petersburg, AISING Publ., 2010, pp. 182–188.

48. Uzlov N.D. *Napryazhennost' psikhologicheskikh zashchit, otnoshenie k bolezni i lecheniyu bol'nykh alkogolizmom pri pervichnoi i vtorichnoi gospitalizatsii* [Tensions of psychological protection mechanisms, attitude towards illness and treatment of patients with alcoholism at hospitalization and readmission]. In: Minyurova S.A., Dukhnovskii S.V., ed. *Aktual'nye voprosy teorii i praktiki psikhologii otnoshenii: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Proc. of Rus. Conf. «Topical issues of the theory and practice of relations psychology»]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2010, pp. 229–231.
49. Uzlov N.D. *Lichnostnye profili zhenshchin-zaklyuchennykh, VICH-infitsirovannykh i bol'nykh SPIDom* [Personal profiles of female prisoners, HIV-positive people and patients AIDS]. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii* [Medical Psychology in Russia], 2011, no. 2. Available at: http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2011_2_7/nomer/nomer16.php (Accessed 13 March 2015).
50. Uzlov N.D. *Psikhologicheskii portret patsientov s bytovoi ozhogovoi travmoy* [Psychological portrait of patients with a domestic burn injury]. *Tyumenskii meditsinskii zhurnal* [Tyumen Medicine Journal], 2011, no. 2, pp. 45–46.
51. Uzlov N.D., Bashkirtseva O.V. *Samoотношение VICH-инфицированных и больных туберкулезом осужденных* [Self-relation of convicts with HIV and tuberculosis]. *Klinicheskaya i meditsinskaya psikhologiya: issledovaniya, obuchenie, praktika* [Clinical and Medical Psychology: Researches, Education, Practice], 2014, no. 2(4). Available at: http://www.medpsy.ru/climp/2014_2_4/article08.php (Accessed 13 March 2015).
52. Uzlov N.D., Gabdrakhmanova N.N. *Sovladayushchee povedeniye i zashchitnye mekhanizmy lichnosti u bol'nykh tuberkulezom legkikh s anosognozicheskim tipom otnosheniya k bolezni* [Coping-behavior and protective mechanisms of the personality of pulmonary tuberculosis patients with anosognosic type of illness perception]. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii* [Medical Psychology in Russia], 2013, no. 3(20). Available at: http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2013_3_20/nomer/nomer06.php (Accessed 13 March 2015).
53. Uzlov N.D. *Marginal'naya lichnost' kak ob'ekt i sub'ekt sotsial'noi raboty: problema kommunikatsii* [Marginal personality as object and subject of social work: a communication problem]. In: Zamaraeva Z.P., Grigor'eva M.I., ed. *Sotsial'naya bezopasnost' i zashchita cheloveka v usloviyakh novoi obshchestvennoi real'nosti. Sovremennaya sistema sotsial'nogo obsluzhivaniya naseleniya v Rossii i Permskom krae: problemy i perspektivy razvitiya: sb. materialov VI mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Proc. of 4th Int. Conf. «Social Safety, Social Security, and Condition of new social reality. The Modern System of Social Services in Russia and Perm Region: Problems and Prospects»]. Perm, Perm State University Publ., 2014, pp. 156–166.
54. Ulunova G.Ye. *Psikhologichna korektsiya uskladnenogo spilkuvaniya v uchniv shkil-internativ: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Psychological correction of deficiency communication of boarding school pupils. Abstract of PhD thesis]. Kiev, 2006, 24 p.
55. Fedorov V.V. *Sotsial'no-professional'naya marginal'nost' v sovremennoi Rossii* [Social and professional marginality in modern Russia]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tver State University Bulletin], 2009, no. 11, pp. 43–47.
56. Feofanov K.A. *Sotsial'naya marginal'nost': kharakteristika osnovnykh kontseptsii i podkhodov v sovremennoi sotsiologii (obzor)* [Social marginality: the characteristic of the main concepts and approaches in modern sociology (review)]. *Obshchestvennye nauki za rubezhom. Referativnyy zhurnal. Seriya 11. Sotsiologiya* [Foreign Social Sciences: abstract journal. Series 11: Sociology]. 1992, no. 2, pp. 70–83.

57. Tsukanova E.V. *Psikhologicheskie trudnosti mezhlichnostnogo obshcheniya* [Psychological difficulties of interpersonal communication]. Kiev, Vyshcha shkola Publ., 1985, 162 p.
58. Cherepanova I.Yu. *Verbal'naya suggestiya: teoriya, metodika, sotsial'no-lingvisticheskii eksperiment: avtoref. dis. ... d-ra filolog. nauk* [Verbal suggestion: theory, technique, social and linguistic experiment. Abstract of Doct. Diss.]. Moscow, 1996, 50 p.
59. Cherepanova I.Yu. *Dom koldun'i. Yazyk tvorcheskogo bessoznatel'nogo* [The Witch's House. Language of the creative unconscious]. Moscow, KSP+ Publ., 1999. 446 p.
60. Shalaginova N.A. *Sotsial'naya marginal'nost': kharakterologicheskie svoystva i tipologicheskie priznaki: avtoref. dis. ... kand. filoz. nauk* [Social marginality: characterologic properties and typological signs. Abstract of PhD thesis]. Rostov-na-Donu, 2012, 25 p.
61. Shkupatova I.P. *Kognitivnyi stil' i obshchenie* [Cognitive style and communication]. Rostov-na-Donu, Rostov Pedagogical University Publ., 1994, 156 p.

Узлов Н.Д. Маргинальная личность как субъект затруднённого общения // Вестник психиатрии и психологии Чувашии. 2015. Т. 11, № 2. С. 43–63.

Аннотация. В статье представлен краткий обзор современных исследований по проблеме маргинальности и психологии затрудненного общения. Описаны основные виды маргинальности, приведены классификационные подходы с позиций социологии, психологии и права. Особое внимание уделено периферийной маргинальности, представители которой в большинстве случаев становятся объектами внимания социальных служб, что делает крайне актуальной проблему построения диалога специалистов помогающих профессий с представителями социальной эксклюзии. Указано на роль профессиональной маргинальности как одной из причин, затрудняющей успешную работу с клиентами. Предпринята попытка рассмотреть маргинальную личность с позиций концепции затрудненного общения, активно разрабатываемой в трудах отечественных ученых. Проведены параллели между маргинальным субъектом и субъектом затрудненного общения, представлены для сопоставления их психологические портреты, установлены совпадения по большинству признаков. Рассмотрены приемы и методы преодоления затрудненного общения в контексте взаимодействия с маргинальной личностью, указано на приоритет неимперативных прямых методов воздействия, а также технологий социального влияния, суггестивной лингвистики (паттернов вербальной коммуникации). Сделаны выводы о том, что маргинальную личность, особенно периферийного типа, в полной мере можно рассматривать субъектом затрудненного общения, при коммуникации с которой у представителей социальных служб возникают многочисленные трудности, барьеры и нарушения, аналогичные тем, которые имеют место при взаимодействии с субъектом затрудненного общения; должны быть разработаны новые способы коммуникации с маргинальной личностью. Методологической основой в разработке таких подходов может являться концепция затрудненного общения. В контексте вышесказанного выдвигается

гаются базовые требования к работникам социальных служб. Таковыми являются: наличие навыков эффективного коммуникатора, коммуникативная компетентность, достижение профессиональной идентичности и преодоление их собственной профессиональной маргинальности.

Ключевые слова: маргинальность, маргинальная личность, затрудненное общение, субъект затрудненного общения, работники социальных служб, профессиональная маргинальность, коммуникативная компетентность, профессиональная идентичность.

Информация об авторе:

Узлов Николай Дмитриевич, кандидат медицинских наук, профессор кафедры естественных и гуманитарных наук Березниковского филиала ФБГОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет». Россия, 618400, Пермский край, г. Березники, ул. Ленина, 33. Тел. (3424) 26-90-32. *knots51@mail.ru*.

Uzlov N.D. Marginal'naya lichnost' kak sub"ekt zatrudnennogo obshcheniya [Marginal personality as the subject of miscommunication] (Russian). Vestnik psikiatrii i psikhologii Chuvashii [The Bulletin of Chuvash Psychiatry and Psychology], 2015, vol. 11, no. 2, pp. 43–63.

Abstract. The paper presents an overview of contemporary research on the issue of marginality and miscommunication, a description of its main types, and a psychological portrait of a marginal subject. It is an attempt at considering a marginal personality from the positions of the concept of miscommunication. The authors draw a parallel line between a marginal subject and a subject of miscommunication. It is pointed out, that professional marginality may serve as one of the reasons for impeding successful communication with clients. The communicative competence and professional identity are considered as basic requirements for a social service worker.

Keywords: marginality, marginal personality, miscommunication, subject of miscommunication, social service workers, professional marginality, communicative competence, professional identity.

Information about author:

Uzlov Nikolay, Candidate of Medical Sciences, Professor of Natural and Humanitarian Sciences Department, Berezniki Branch of Perm State National Research University. 33, Lenina ul., Berezniki, Permskiy Krai, 618400, Russia. Tel. +7 (3424) 26-90-32. *knots51@mail.ru*.

Поступила: 04.02.2015

Received: 04.02.2015